

Спицина Е. В. Социально-психологический кризис в России рубежа 70—80-х годов XIX века: «охота на ведьм» / Е. В. Спицина // Научный диалог. — 2017. — № 5. — С. 291—302. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-291-302.

Spitsina, E. V. (2017). Socio-Psychological Crisis in Russia in the Turn of 1970—1980-ies: “Witch Hunt”. *Nauchnyy dialog*, 5: 291-302. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-291-302. (In Russ.).

УДК 94(47).08

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-5-00-00

Социально-психологический кризис в России рубежа 70—80-х годов XIX века: «охота на ведьм»

© Спицина Евгения Викторовна, orcid.org/0000-0002-1751-2737, аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), evgenia.spitsina@yandex.ru.
SPIN-code: 3664-9176

Статья посвящена исследованию общественного сознания в России в период политического кризиса конца 1870-х — начала 1880-х годов. Рассматривая социальный аспект кризиса, автор уделяет особое внимание изучению такой характерной тенденции кризисного времени, как обострение социальной тревоги. Опираясь на официальные документы Департамента полиции и мемуарные свидетельства современников, автор делает вывод о том, что маркером нарастания социальной дезинтеграции служила развернувшаяся в это время в разных слоях общества анти-террористическая лихорадка. Ее проявлениями были не только рост взаимной подозрительности и повсеместный поиск врагов существующей государственной системы, но и такие феномены социальной жизни, как распространение доносительства, хождение в массах слухов и сплетен, а также клеветнических заявлений, сделанных в корыстных целях. Анализ проявлений этой своеобразной «охоты на ведьм» позволил выявить ее двойственную социальную функцию. В условиях общественно-политической сумятицы преследования служили простейшим способом внести упорядоченность в переживаемую диссоциацию и одновременно предоставляли возможности успешной личной адаптации к ней, позволяя извлечь персональные выгоды при готовности активно следовать данным ролевым установкам и при умении воспользоваться ситуацией.

Ключевые слова: революционное движение; политический кризис; история России XIX века; полиция; общественное сознание; неформальная коммуникация.

1. Введение

Сюжеты, касающиеся политического кризиса в России конца 1870-х — начала 1880-х годов, достаточно хорошо изучены как отечественными, так и зарубежными исследователями. Прежде всего внимание историков привлекали проблемы кризиса власти и разные аспекты общественно-политической борьбы в России в этот период. [Богучарский, 1912; Зайончковский, 1964; Пирумова, 1986; Россия..., 1983; Шестопалов, 2008, с. 63. 116—126; Lieven, 1989; Naimark, 1983]. В то же время несмотря на обилие исследований вопрос о социальной динамике в этот период остается мало проясненным. Описывая настроения, царившие в обществе в конце 1870-х — начале 1880-х годов, авторы говорят преимущественно о страхе верховной власти перед возможными антиправительственными выступлениями [Ананьич, 1992, с. 8], а также отмечают правый крен внутренней политики, особенно выраженный после 1 марта 1881 года [Троицкий, 2003, с. 73]. При этом весь социальный контекст этого правого поворота сводится к описанию мер по борьбе с революционным движением. Качественной характеристики социальных условий такие описания не содержат, в связи с чем не вполне корректно отражают и внутривнутриполитические реалии.

2. Причины антитеррористической лихорадки

Угроза революционного террора и полицейские преследования частных к нему в интересующий нас период действительно были чертами общественной жизни. Так, только в Петербурге за зиму 1879 года за революционную деятельность арестовали свыше 2 тыс. чел. [Антонов, 1991, с. 13—14]. А за 1879—1882 годы террористам было вынесено 67 смертных приговоров, и 30 из них за это время приведено в исполнение [Суворов, 2000, с. 102, 104]. Масштабы преследований — обыски, аресты, распространение доносов — даже дали основание американскому исследователю Р. Пайпсу утверждать, что в России в это время планомерно закладывалась база полицейского режима «с тоталитарными обертонами» [Пайпс, 1993, с. 389]. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что эта концепция игнорирует множество не вписывающихся в нее фактов, и прежде всего социальный контекст событий.

Первое обстоятельство, на которое стоит обратить внимание, — это эффективность деятельности полиции. Исследования политического сыска показывают, что главной характеристикой его устройства в этот период был мизерный коэффициент полезного действия вкупе с общей структурной громоздкостью [Перегудова, 2013, с. 155; Прайсман, 2001, с. 76]. Работа агентуры была поставлена из рук вон плохо. Проверка Верховной

распорядительной комиссии в апреле 1880 года показала, что сведения агентов Департамента полиции зачастую не просто некачественны — противоречивы или отрывочны, — а вовсе являются вымышленными [Перегудова, 2013, с. 155]. К этому следует прибавить и ведомственную путаницу. Сыском «неблагонадежных», помимо полиции, занимался и Отдельный корпус жандармов. При этом никакой слаженности в работе учреждений не было. На деле, ведя параллельную работу, они часто вставляли палки друг другу в колеса. Глава Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкий вспоминал, как в 1882 году вел кампанию по поиску некоего радикала-пропагандиста, которым, как выяснилось после ряда не самых приятных контактов с Департаментом полиции, оказался агент последнего П. И. Рачковский [РГИА, ф. 1093, оп. 1, д. 148, л. 5]. Структурная беспорядочность и низкий профессионализм работников сыска зачастую выливались в ситуации откровенно трагикомические, когда, как вспоминал журналист А. Е. Кауфман, сам однажды просидевший по ошибке целый день в заключении, под подозрение попадали даже люди, далекие от политической жизни настолько, насколько это вообще возможно — «90-летние старцы и годовалые ребята» [Кауфман, 1911, с. 191—192].

Второе обстоятельство, принципиальное для понимания общественно-политических реалий конца 1870-х — начала 1880-х годов, менее очевидно. Речь идет об общей тенденции социальной дезинтеграции в этот период и о связанном с ней повышении уровня тревоги в традиционно наиболее консервативных общественных слоях. Свидетельством глубочайшего раскола общественного самосознания был этический парадокс терроризма. Состоял он в том, что при моральной неприемлемости террора как средства политической борьбы для большинства ее активных участников террористы, тем не менее, находили гражданское сочувствие [Спицина, 2016, с. 95—96], а сам террор буквально сакрализировался как христианская добродетель — жертвование души ради ближнего своего — и личный подвиг в борьбе с государственной несправедливостью [Rindlisbacher, 2010, р. 72, 79—80]. Вся взрывоопасность этого ценностного конфликта дала себя знать после 1 марта 1881 года, когда жертвой террористов оказался царь-освободитель и началось то, что в полной мере можно назвать «охотой на ведьм».

3. «Охота на ведьм»: проявления и мотивы

Со всех концов страны в Департамент полиции массово посыпались анонимные и неанонимные донесения с подозрениями в адрес тех или иных лиц и муссированием порой самых фантастических слухов. Полиция

то искала несуществующую деревню, в которой хранится партия бомб, то динамит в экспонатах с Парижской выставки, то ожидала загадочного француза, который якобы должен был провозить шрифт под видом коробок сардин [Волк, 1966, с. 134]. И хотя у современников и историков хорошим тоном было говорить о полицейских свирепствованиях после 1 марта 1881 года [РГИА, ф. 1093, оп. 1, д. 32, л. 4; Глинский, 1912, с. 667—668], необходимо понимать, что большая часть сыскных работ была посвящена проверкам подобного рода сообщений. Крестьянство, дезориентированное убийством императора, отреагировало взрывом антидворянских настроений. Пытаясь дать объяснение этому событию, крестьяне распространяли слухи даже о самых либеральных помещиках, что, дескать, те и подкупили убийц царя, потому что были недовольны освобождением крестьян и хотели вернуть себе землю [Белый, 1907, с. 189—190; Валк, 1931, с. 154—155]. Порой такие слухи имели далеко идущие последствия. Так, например, в Мещовском уезде они переросли в целую кампанию против председателя уездной земской управы Д. Лишина. Следствие, которое длилось почти год, выяснило, что причина наговоров банальна — председатель был нерелигиозен и необщителен, да еще и действовал иногда в ущерб личным интересам в пользу крестьянского общества, отчего, как гласило заключение, «окрестный люд видит что-то... неладное, но что именно, разъяснить не может». В итоге несколько активных обвинителей Лишина были вынуждены принести извинения [ГАРФ, ф. 102, оп. 77, д. 165, лл. 2об. — 3об., 53]. В другом месте больше месяца расследовали благотворительность семьи Телищевых, которая давала театральные представления и сборы от них распределяла в качестве пособий нуждающимся. В какой-то момент людям показалось, что объем сборов явно превосходит суммарные размеры выдаваемых пособий, а у одного из организаторов благотворительности, ко всему прочему, было замечено новое пальто. Как итог — разговоры о «неодобрительном образе мыслей» членов семьи и их тайных связях с революционным подпольем, подтверждения которым полиция также не нашла [ГАРФ, ф. 102, оп. 77, д. 1293, л. 1—6].

Из подобных случаев очевидно, что для попадания в категорию «подозрительных» и «неблагонадежных» достаточно было малейшего несоответствия ожиданиям и привычкам местного окружения. А если к этому добавлялась еще и гражданская активность — открывалась прямая дорога из «подозрительных» прямо в «революционеры». Неслучайно почти все наиболее известные земские деятели в интересующий нас период в те или иные годы подвергались преследованиям или состояли под полицейским надзором [Линд, 1916, с. 21—22; Ульянова, 2008, с. 54]. Земский врач

Я. М. Белый писал, что распространение самых абсурдных слухов о либерально настроенных земских работниках преподносилось местными «охранителями» как «забота о спасении отечества». Так, о нем, в частности, после ночной поездки по врачебным делам в соседнюю местность, тут же распустили слух, что Я. М. Белый является постоянным участником тайных ночных собраний заговорщиков [Белый, 1907, с. 187—188]. Другой земец, известный экономист В. Е. Варзар, и вовсе вспоминал, что один из жандармов следил за ним неотступно, «как охотничья собака за дичью», а когда удалось-таки выудить предлог, к нему нагрянули с совершенно незаконным ночным обыском. Не найдя ничего дома, стали требовать обыскать рабочую канцелярию. Когда В. Е. Варзар пригрозил, что подаст жалобу в министерство юстиции, жандармский полковник попросил не делать скандала и только проверить, не спрятаны ли у него в канцелярии бомбы [Варзар, 1924, с. 11—12].

Надо сказать, что всеобщая подозрительность и обострение нетерпимости к тем, чьи воззрения или деятельность выбивались из разряда общепринятого и понятного, создавали подходящие условия и для преследования личных целей. В обстановке социально-политической дезориентации, когда в поисках мнимой определенности многие были готовы выискивать в окружающих признаки революционности, чтобы маркировать и изолировать врага, удачно мимикрировали под общее настроение сообщения, движимые мотивами иного рода. К ним относятся в первую очередь мотивы сведения личных счетов и получения персональных выгод. В этом отношении показательна, к примеру, ситуация, имевшая место в Саратовской губернии. Около полугода Департамент полиции проверял сведения доноса на предводителя дворянства Кузнецкого уезда. В анонимном заявлении утверждалось, что, если полиция не предпримет решительных мер, уезд скоро превратится в «рассадник и притон» террористов, поскольку они и сейчас преспокойно живут и ведут свою антигосударственную деятельность под покровительством Иконникова. Нашелся и свидетель, крестьянин Столяев, готовый подтвердить и дополнить информацию из доноса. Он заявил, что некогда работал у Иконникова и видел, что по определенным дням в подвале его дома собирается подозрительное общество. В сам подвал есть ход прямо из комнаты Иконникова, и хранится в нем множество ядер с порохом. Самому Столяеву будто бы даже предлагали за щедрое вознаграждение устроить покушение на царя, но он отказался. Месяцы следствия по этому делу выявили только то, что сообщения анонимного автора записки и крестьянина Столяева от начала до конца есть плод воображения, а Иконников — чело-

век заносчивый и деспотичный, наживший себе множество неприятелей [ГАРФ, ф. 102, оп. 77, д. 867, л. 1—18 об.].

Были и такие, кто пытался обернуть лихорадку поиска врагов общества на службу делам сердечным. Такой случай имел место в Смоленской губернии, где расследовалось дело о рассылке анонимных писем революционного содержания. В расследовании активное участие принимал губернатор Л. П. Томар, уверявший, что узнал в письмах почерк графини Анастасии Паниной. Однако следствие выявило сходство почерка анонимок отнюдь не с почерком А. С. Паниной, а с рукой самого Томара. И далее были получены сведения, что Томар очень интересовался привлекательной внешностью А. С. Паниной, ее вдовством и состоянием, а также обмолвился как-то, что может сделать так, что ее сожителя И. И. Петрункевича принудят покинуть губернию, а сама А. С. Панина будет обязана остаться в Смоленске [ГАРФ, ф. 102, оп. 77, д. 1358, л. 5—8 об.]. Надо сказать, что, хотя надзор за А. С. Паниной снят не был в силу ее связи с либеральной оппозицией, обвинения в существовании революционного мотива ее деятельности оснований не имели. Зато были хорошей почвой для интриг, подобной интриге Томара, с одной стороны, и, с другой, как и все прочие клеветнические обвинения, немало путали карты самой полиции.

Те же указанные тенденции пронизывали и мир «надземный». Тверской земец, публицист и литератор П. А. Дементьев, имевший связи с придворным закулисем, отмечал, что жизнь при дворе после гибели Александра II представляла собой нескончаемый поток сплетен и слухов, приобретающих в столь нервной и тяжелой обстановке формы самые абсурдные [Тверской, 1907, с. 651]. Так, не без участия ближайшего советника нового императора К. П. Победоносцева распространение получали спекуляции о непоправимом вреде, который наносят государственному порядку княгиня Юрьевская и великий князь Константин Николаевич [Первые недели..., 1907, с. 89—90]. К слову, один из анонимных доносов на последнего и вовсе напоминал доморощенный детектив, раскрывающий злодейские планы Константина по насильственному захвату власти, его многочисленные связи с нигилистами и даже то, что для дальнейших преступлений он уже заготовил яд и взрывчатку [Любопытный донос..., 1907, с. 87]. Даже панихиды по Александру II в Зимнем дворце и Петропавловском соборе сделались местом для сведения счетов и обмена сплетнями. А. Н. Куломзин, бывший на тот момент товарищем министра государственных имуществ, так описывал свои впечатления от происходящего: «Одни подняли носы, другие нашептывают и наговаривают на тех, которым вчера кланялись. Какая-то вакханалия... Интриги в большом ходу и нужно признаться, что

наша публика, украшенная звездами, совсем не умеет себя вести» [РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 189, л. 39 об.—40].

Есть и еще один немаловажный нюанс, объясняющий всплеск интриганства среди придворных элит. Александр III, вступив на престол, не смог внести определенности в политическое пространство, поскольку сам оказался в состоянии когнитивного ступора и не имел в это время не то что программы, но даже сколько-нибудь отчетливого представления о путях дальнейшего общественного развития, отчего был не способен принимать тактических и стратегических решений. Его отъезд в Гатчину и фактическое самоустранение от прямого управления дали зеленый свет политическим играм придворных группировок, в которых неформальная коммуникация служила и сигнальной системой, и способом калибровки диспозиции сил вокруг трона, и средством воздействия на нее. Фоном борьбы за влияние на нового императора и, соответственно, за влияние на определение будущего правительственного курса, была именно борьба с революцией. Это обстоятельство подтверждает тот факт, что в своих обращениях к Александру III некоторые представители его ближнего окружения умышленно преувеличивали уровень террористической угрозы [Богучарский, 1910, с. 75]. Иллюстрацию такого спекулирования тревогой дают многочисленные письма К. П. Победоносцева к Александру III. Помимо ничем не подтверждаемых наговоров на политических противников, письма исполнены рассказами о всепроникающей силе революционного заговора и об опасности для Александра III стать следующей его жертвой [Письма..., 1926, т. 1, 2, с. 248—249, 255, 257, 318—319, 387—388, 394—396]. К тому же способу манипулирования прибегал и протеже К. П. Победоносцева, петербургский градоначальник Н. М. Баранов, стремящийся закрепиться в должности [Данилов, 2010, с. 88—89]. Впрочем, последнего подвело, видимо, чрезмерное бахвальство. Начав терроризировать придворное окружение императора рассказами о небывалых масштабах революционной волны в Петербурге и своих подвигах противостояния ей, он уже не мог остановиться и стремился представить положение дел в как можно более мрачных тонах [РГИА, ф. 1561, оп. 1, д. 27, л. 10, 19—21]. Эпопея Н. М. Баранова закончилась столь же быстро, как и началась — не жалея красок в своих рассказах, он ожидаемо заврался [Богданович, 1924, с. 56], и был удален от должности.

4. Выводы

Подводя итог краткому рассмотрению проблемы социально-психологического контекста кризиса конца 1870-х — начала 1880-х годов, в част-

ности, такого ее сюжета, как лихорадка поиска врагов государственного порядка, нужно подчеркнуть следующее. Во-первых, «охота на ведьм», под чем мы понимаем не только непосредственно преследование, но также возникновение и распространение слухов, клеветнических заявлений, доноительства и т. п., в этот период была прямым следствием социальной дезинтеграции и отсутствия институтов эффективной коммуникации между политическими элитами, граждански активной частью общества и его большинством. Результатом этого были не только политические беспорядки, но и нестабильность общественных отношений на местах, традиционная этическая основа которых на этот момент себя уже исчерпала, образовав лакуну. Данные обстоятельства и предопределили, с одной стороны, подъем консервативных настроений среди части крестьянства и дворянства, стремившейся к опоре на привычную структуру отношений, а с другой — дальнейший рост социального атомизма, отчужденности. Во-вторых, атмосфера общего смятения в этот период, и особенно после 1 марта 1881 года, создавала благоприятные условия для преследования личных целей под видом борьбы с революционной угрозой. Среди наиболее популярных мотивов можно выделить такие, как сведение личных счетов, продвижение по карьерной лестнице и реализация политических амбиций под лозунгом охраны самодержавия и особы императора. В условиях реактивности правительства и роста тенденций социального распада пугало революционного террора играло двойную роль — одним оно было необходимо для утилизации стресса социально-политической неопределенности и служило примитивным способом единения и негативной самоидентификации; другие использовали его как эффективное на разных уровнях средство достижения персональных выгод.

Источники и принятые сокращения

1. *Белый Я. М.* Из недавней старины. Воспоминания земского врача 70-х годов / Я. М. Белый. — Новгород : Типография М. О. Селиванова, 1907. — С. 189—190.
2. *Богданович А.* Три последних самодержца / А. Богданович. — Москва ; Ленинград : Издательство Л. Д. Френкель, 1924. — С. 56.
3. *Варзар В. Е.* Воспоминания старого статистика / В. Е. Варзар. — Ростов-на-Дону : 2-я Государственная типография ДПБ, 1924. — С. 11—12.
4. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 77, Д. 165, Лл. 2 об. — 3об., 53; Д. 867, Лл. 1—18 об; Д. 1293, Лл. 1—6, Д. 1358, Лл. 5—8 об.
5. *Кауфман А. Е.* День в доме у Цепного моста (Эпизод) / А. Е. Кауфман // Исторический вестник. — 1911. — № 1. — С. 191—192.

6. *Линд В. Н.* Воспоминания / В. Н. Линд // Русская мысль. — 1916. — № 6. — С. 21—22.
7. *Любопытный* донос (с подлинной рукописи) // Былое. — 1907. — № 1. — С. 87.
8. *Тверской П. А.* [Дементьев П. А.]. Из деловой переписки с К. П. Победоносцевым. 1900—1904 гг. // Вестник Европы. — 1907. — № 12. — С. 651.
9. *Первые недели* царствования императора Александра III-го (письма К. П. Победоносцева к Е. Ф. Тютчевой) // Русский архив. — 1907. — № 5. — С. 89—90.
10. *Письма* Победоносцева к Александру III. Москва : Новая Москва, 1926. — Т. 1, 2. — С. 248—249, 255, 257, 318—319, 387—388, 394—396.
11. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1093 (Щеголев П. Е.), Оп. 1, Д. 148, Л. 5; Д. 32, Л. 4; Ф. 1561 (Игнатьев Н. П.), Оп. 1, Д. 27, Лл. 10, 19—21; Ф. 1642 (Куломзин А. Н.), Оп. 1, Д. 189, Лл. 39 об. — 40.

Литература

1. *Ананьич Б. В.* Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин // Реформы или революция? Россия 1861—1917. Материалы международного коллоквиума историков. — Санкт-Петербург : Наука, 1992. — С. 7—18.
2. *Антонов В. Ф.* Народничество в России : утопия или отвергнутые возможности / В. Ф. Антонов // Вопросы истории. — 1991. — № 1. — С. 5—19.
3. *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель / В. Я. Богучарский. — Москва : Русская мысль, 1912. — 483 с.
4. *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 80-х годах / В. Я. Богучарский // Русская мысль. — 1910. — № 5. — С. 39—75.
5. *Валк С.* Из записной книжки архивиста. После 1 марта 1881 г. / С. Валк // Красный архив. — 1931. — Т. 2. — С. 147—160.
6. *Волк С. С.* Народная воля / С. С. Волк. — Москва; Ленинград : Наука, 1966. — 491 с.
7. *Глинский Б. Б.* Период твердой власти (Исторические очерки) / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. — 1912. — № 2. — С. 667—690.
8. *Данилов А. Г.* Глава государства и его окружение в России : исторический опыт / А. Г. Данилов // Вопросы истории. — 2010. — № 7. — С. 83—94.
9. *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов / П. А. Зайончковский. — Москва : Издательство Московского университета, 1964. — 511 с.
10. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме / Р. Пайпс. — Москва : Независимая газета, 1993. — 421 с.
11. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880—1917) / З. И. Перегудова. — Москва : РОССПЭН, 2013. — 518 с.
12. *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века / Н. М. Пирумова. — Москва : Наука, 1986. — 268 с.

13. *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы / Л. Г. Прайсман. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 429 с.
14. *Россия* в революционной ситуации на рубеже 1870 — 1880-х годов. Коллективная монография / под ред. Б. С. Итенберга. — Москва : Наука, 1983. — 557 с.
15. *Спицина Е. В.* «Отцы и дети», или Кто финансировал революционный террор в России в конце 1870-х — начале 1880-х гг. / Е. В. Спицина // Герценовские чтения 2015. Актуальные проблемы русской истории. — Санкт-Петербург : Электроника, 2016. — С. 92—100.
16. *Суворов А. И.* Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России / А. И. Суворов // Социс. — 2000. — № 12. — С. 100—108.
17. *Троицкий Н. А.* Политические процессы в России 1871—1887 гг. / Н. А. Троицкий. — Саратов : Издательство СГУ, 2003. — 180 с.
18. *Ульянова Л. В.* Колыбель российского либерализма : тверские либералы глазами политической полиции (1880—1905) / Л. В. Ульянова // Вестник Московского университета. Сер. История. — 2008. — № 6. — С. 53—62.
19. *Шестопалов А. В.* Верховная власть и российское общество в 60-е — 80-е годы XIX века / А. В. Шестопалов // Вопросы истории. — 2008. — № 5. — С. 116—126.
20. *Lieven D.* Russia's rulers under the Old Regim / D. Lieven. — New Haven; London : Yale university press, 1989. — 407 p.
21. *Naimark N.* Terrorists and Social-Democrats. The Russian revolutionary movement under Alexander III / N. Naimark. — Cambridge : Harvard University Press, 1983. — 308 p.
22. *Rindlisbacher S.* Radicalism as Political Religion? The Case of Vera Figner / S. Rindlisbacher // Totalitarian Movements and Political Religions. — 2010. — № 1. — P. 67—87.

Socio-Psychological Crisis in Russia in the Turn of 1970—1980-ies: “Witch Hunt”

© **Spitsina Evgeniya Viktorovna**, PhD Student, Department of Russian History, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), evgenia.spitsina@yandex.ru.
SPIN-code: 3664-9176

The article is devoted to the study of social consciousness in Russia during the political crisis of the late 1870-ies — early 1880-ies. Considering the social aspect of the crisis, the author pays special attention to the study of such characteristic trend in the crisis time as the exacerbation of social anxiety. Basing on official documents of the police department and the memoirs and testimonies of contemporaries, the author concludes that a marker of the rise of social disintegration was the anti-terrorist fever raged at this time in different strata of society. Its manifestations were not only the growth of mutual suspicion and widespread search for enemies of the existing state system, but also such phe-

nomena of social life, as the proliferation of snitching, gossips going to the masses, and slanderous statements made in the mercenary purposes. The analysis of the manifestations of this kind of “witch hunt” helped to identify its dual social function. In terms of socio-political turmoil, the persecutions served as a simple way to make order in experiencing dissociation and at the same time offered opportunities for successful personal adaptation to it, allowed to derive personal benefits when one is ready to actively follow up the role settings and is able to take advantage of the situation.

Key words: revolution movement; political crisis; history of 19th-century Russia; police; social consciousness; informal communication.

Material resources

- Belyy, Ya. M. 1907. *Iz nedavney stariny. Vospominaniya zemskogo vracha 70-kh godov.* Novgorod: Tipografiya M. O. Selivanova. 189—190. (In Russ.).
- Bogdanovich, A. 1924. *Tri poslednikh samoderzhtsa.* Moskva; Leningrad: Izdatelstvo L. D. Frenkel. (In Russ.).
- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii.* (In Russ.).
- Kaufman, A. E. 1911. Den v dome u Tsepного mosta (Epizod). *Istoricheskiy vestnik*, 1: 191—192. (In Russ.).
- Lind, V. N. 1916. Vospominaniya. *Russkaya mysl*, 6: 21—22. (In Russ.).
- Lyubopytnyy donos (s podlinnoy rukopisi). 1907. *Byloe*, 1: 87. (In Russ.).
- Pervyye nedeli tsarstvovaniya imperatora Aleksandra III (pisma K. P. Pobedonostseva k E. F. Tyutchevu). 1907. *Russkiy arkhiv*, 5: 89—90. (In Russ.).
- Pisma Pobedonostseva k Aleksandru III.* 1926. Moskva: Novaya Moskva. 2/1. (In Russ.).
- Pisma Pobedonostseva k Aleksandru III.* 1926. Moskva: Novaya Moskva. 2/2. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv.* (In Russ.).
- Tverskoy, P. A. [Dementev P. A.]. Iz delovoy perepiski s K. P. Pobedonostsevym. 1900—1904 gg. 1907. *Vestnik Evropy*, 12: 651. (In Russ.).
- Varzar, V. E. 1924. *Vospominaniya starogo statistika.* Rostov-na-Donu: 2 Gosudarstvennaya tipografiya DPB. (In Russ.).

References

- Ananich, B. V., Ganelin. R. Sh. 1992. Krizis vlasti v Rossii. Reformy i revolyutsionnyy protsess. (1905 i 1917). In: *Reformy ili revolyutsiya? Rossiya 1861—1917. Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma istorikov.* Sankt-Peterburg: Nauka. 7—18. (In Russ.).
- Antonov, V. F. 1991. Narodnichestvo v Rossii: utopiya ili otvergnutye vozmozhnosti. *Voprosy istorii*, 1: 5—19. (In Russ.).
- Bogucharskiy, V. Ya. 1910. Iz istorii politicheskoy borby v 80-kh godakh. *Russkaya mysl*, 5: 39—75. (In Russ.).
- Bogucharskiy, V. Ya. 1912. *Iz istorii politicheskoy borby v 70-kh i 80-kh gg. XIX v. Partiya «Narodnoy voli», ee proiskhozhdeniye, sudby i gibel.* Moskva: Russkaya mysl. (In Russ.).
- Glinskiy, B. B. 1912. Period tverдой vlasti (Istoricheskiye ocherki). *Istoricheskiy vestnik*, 2: 667—690. (In Russ.).

- Danilov, A. G. 2010. Glava gosudarstva i ego okruzheniye v Rossii: istoricheskiy opyt. *Voprosy istorii*, 7: 83—94. (In Russ.).
- Itenberg, B. S. (ed.). 1983. *Rossiya v revolyutsionnoy situatsii na rubezhe 1870—1880-kh godov. Kollektivnaya monografiya*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Lieven, D. 1989. *Russia's rulers under the Old Regim*. New Haven; London: Yale university press.
- Naimark, N. 1983. *Terrorists and Social-Democrats. The Russian revolutionary movement under Alexander III*. Cambridge: Harvard University Press.
- Payps, R. 1993. *Rossiya pri starom rezhime*. Moskva: Nezavisimaya gazeta. (In Russ.).
- Peregudova, Z. I. 2013. *Politicheskii syusk Rossii (1880—1917)*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Pirumova, N. M. 1986. *Zemskaya intelligentsiya i ee rol v obshchestvennoy borbe do nachala XX veka*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Praysman, L. G. 2001. *Terroristy i revolyutsionery, okhranniki i provokatory*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Rindlisbacher, S. 2010. Radicalism as Political Religion? The Case of Vera Figner. In: *Totalitarian Movements and Political Religions*, 1: 67—87.
- Shestopalov, A. V. 2008. Verkhovnaya vlast i rossiyskoye obshchestvo v 60-e — 80-e gody XIX veka. *Voprosy istorii*, 5: 116—126. (In Russ.).
- Spitsina, E. V. 2016. «Ottsy i deti», ili Kto finansiroval revolyutsionnyy terror v Rossii v kontse 1870-kh — nachale 1880-kh gg. In: *Gertsenovskiy chteniye 2015. Aktualnye problemy russkoy istorii*. Sankt-Peterburg: ElekSis. 92—100. (In Russ.).
- Suvorov, A. I. 2000. Antiterroristicheskaya deyatelnost v dorevolyutsionnoy Rossii. *Sotsis*, 12: 100—108. (In Russ.).
- Troitskiy, N. A. 2003. *Politicheskkiye protsessy v Rossii 1871—1887 gg*. Saratov: Izdatelstvo SGU. (In Russ.).
- Ulyanova, L. V. 2008. Kolybel rossiyskogo liberalizma: tverskie liberaly glazami politicheskoy politsii (1880—1905). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Istoriya*, 6: 53—62. (In Russ.).
- Valk, S. 1931. Iz zapisnoy knizhki arkhivista. Posle 1 marta 1881 g. *Krasnyy arkhiv*, 2: 147—160. (In Russ.).
- Volk, S. S. 1966. *Narodnaya volya*. Moskva; Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Zayonchkovskiy, P. A. 1964. *Krizis samodержaviya na rubezhe 1870—1880-kh godov*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).